

Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок»

Васильева Е.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru*

Щербаков А.В.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavropchte@yandex.ru*

Цель. Изучение культуральных особенностей образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» у русских и итальянских мужчин.

Контекст и актуальность. Динамичная трансформация современного общества влечет за собой существенные изменения в структуре и функциях семьи как социальной группы, так как ее адаптивность поддерживается эффективной реализацией всех функций в совокупности. Однако доминирующая семейная функция является феноменом, определяющим основное направление эволюции семейной системы. Исследования отечественных и зарубежных авторов показывают, что в разных странах могут быть выделены в качестве доминирующей разные функции. Однако во всем мире признается исключительная важность процесса воспитания и развития детей, в котором принимают участие не только матери, но и отцы. В настоящее время в условиях трансформации представлений о роли отца в семье возникает проблема осознанного родительства, в частности, понимания отцом специфики своей родительской роли, роли своего ребенка, трансляция адаптивных способов коммуникации в семейной среде.

Дизайн исследования. В работе было проведено изучение характера и силы взаимосвязи образа себя как «будущего отца» и образа своей роли в детстве по отношению к отцу у русских и итальянских молодых мужчин. Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью методов математической статистики (корреляционный анализ и анализ значимости различий).

Участники. В исследовании принимали участие 282 мужчины (145 русских и 137 итальянцев) в возрасте 21–22 лет ($M=21,5$), воспитывавшихся в полных семьях, имеющих незаконченное высшее образование, не состоящих в официально зарегистрированном браке и не имеющих детей.

Методы (инструменты). Анкетный опрос с помощью авторской методики Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка». Статистическая обработка полученных данных проводилась на основе программы SPSS 23.0 for Windows. В качестве критериев использовались T-критерий Стьюдента для независимых выборок, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, φ-критерий Фишера.

Результаты. Сравнительный анализ полученных данных показал существование культуральных различий во взаимосвязи образа себя как «будущего отца» и образа своей роли в детстве по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин в возрасте 21–22 лет.

Основные выводы. Выявлена специфика интегрального образа роли «отца», по мнению русских и итальянских мужчин, а также взаимосвязь между образами ролей в детстве по от-

СС BY-NC

ношению к отцу («детские роли») и образами ролей своего «будущего ребенка» у русских и итальянских молодых мужчин.

Ключевые слова: образ роли, отцовство, отец, ребенок, будущий ребенок, культуральные особенности.

Для цитаты: Васильева Е.Н., Щербakov А.В. Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 144–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130210>

Cultural Features of the Image of the Role Structure in the Father- Child Dyad

Elena N. Vasilyeva

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Andrey V. Scherbakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Objective. *Study of the cultural characteristics of the image of the role structure in the father-child dyad in Russian and Italian men.*

Background. *The dynamic transformation of modern society, of necessity, entails significant changes in the structure and functions of the family as a social group, since its adaptability is supported by the effective implementation of all functions in the aggregate. However, the dominant family function is a phenomenon that determines the main direction of the evolution of the family system. Studies by domestic and foreign authors show that in different countries, different functions can be distinguished as dominant. However, all over the world it is recognized that the process of upbringing and development of children is extremely important, in which not only mothers, but also fathers take part. Currently, in the context of the transformation of ideas about the role of the father in the family, the problem of conscious parenting arises, in particular, the father’s understanding of the specifics of his parental role, the role of his child, the translation of adaptive methods of communication in the family environment.*

Study design. *In this work, the study of the character and power of interrelation between the image of oneself as a “future father” and the image of one’s role in childhood in relation to the father in Russian and Italian men was carried out. The presence and nature of the relationship was checked using methods of mathematical statistics (correlation analysis and analysis of the significance of differences).*

Participants. *The study involved 282 men (145 Russians and 137 Italians) 21–22 years old ($M=21.5$), who were brought up in two-parent families, with incomplete higher education, not being officially married and having no children.*

Methods. *The author’s technique of E.N. Vasilyeva, A.V. Orlov “Social Roles of the Child”. Statistical processing of the obtained data was carried out with the SPSS 23.0 for Windows. The used criteria were T-test for independent sample, Spearman’s rank correlation coefficient and F-test.*

Results. *A comparative analysis of the data obtained showed the existence of cultural differences in the interrelation between the image of oneself as a “future father” and the image of one’s role in childhood in relation to the father in Russian and Italian men aged 21–22.*

Conclusions. *The specificity of the integral image of the role of the “father” in the opinion of Russian and Italian men, as well as the relationship between the images of roles in childhood in relation to*

the father (“children’s roles”) and the images of the roles of their “future child” in Russian and Italian young men are revealed.

Keywords: *role image, fatherhood, father, child, future child, cultural features.*

For citation: Vasilyeva E.N., Shcherbakov A.V. Cultural Features of the Image of the Role Structure in the Father-Child Dyad. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 144–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130210> (In Russ.).

Введение

Динамичная трансформация современного общества влечет за собой существенные изменения в структуре и функциях семьи как социальной группы, так как ее адаптивность поддерживается эффективной реализацией всех функций в совокупности. Однако доминирующая семейная функция является феноменом, определяющим основное направление эволюции семейной системы. Различные культуры на современном этапе развития предлагают различные ответы на вопрос о том, какая из семейных функций является доминирующей. Так, исследования российских семей показывают, что экономическая функция занимает лидирующую позицию в рейтинге семейных функций [8]. В странах Европы существует иное распределение доминирующих функций. Так, для немецкой семьи наиболее значимыми выступают функция воспитания и заботы о детях, а также функция предоставления детям возможностей первичной социализации [15]. В. Шульц, изучая австрийскую семью, выявил, что современная женщина имеет возможность использовать свое право на рождение и воспитание ребенка, не жертвуя продвижением по карьерной лестнице [18]. Основной функцией испанской семьи выступает воспитание детей и укрепление эмоциональных связей между ее членами. Н. Бруггманн полагает, что современная швейцарская семья в качестве приоритетной функции также выделяет функцию

воспитания ребенка и создание условий для его социализации [8].

В целом европейская семья характеризуется доминированием функции рождения и воспитания ребенка, в то время как важнейшей функцией российской семьи выступает обеспечение материальных условий жизни семьи [8].

Основные обязанности по обеспечению материального благосостояния семьи современное российское общество возлагает на отцов. При этом от мужчин ждут и определенных конструктивных действий в сфере воспитания детей. По мнению М.В. Бутаева, эти два условия являются предпосылками формирования у мужчин склонности к конфликтному поведению. Наряду с этим авторитет отца может страдать в силу ряда причин: родительской некомпетентности, проявляющейся, прежде всего, в отсутствии осознанности отцовства; «непривлекательности» образа отца с точки зрения модели для подражания; неспособности мужчин быть успешными в социальной и профессиональной сферах, что поддерживают такие феномены, как безработица, социально-экономические кризисы, динамичность современного общества [2].

С. Траведи, К. Боze выяснили, что большинство отцов в Ботсване считают, что их главная роль в семье заключается в том, чтобы заботиться о денежном аспекте домашнего хозяйства, в то время как воспитание детей — это часть ответственности матерей. С точки зрения авторов, одним из объяснений данной

ситуации может служить недостаточность имеющихся у отцов родительских навыков [19].

В современных психологических исследованиях феномен «отцовства» рассматривается как фактор, детерминирующий всестороннее формирование личности ребенка. Так, М.А. Гулиной и Н.Л. Васильевой осуществлен анализ некоторых психоаналитических точек зрения на роль отца в жизни человека и общества; описаны функции и специфика роли отца на различных этапах развития ребенка, включая симбиотический этап, этап сближения-удаления и практикования; подчеркнута роль родителей как супружеской пары в структуре эдипального треугольника; представлены условия психологически здорового отцовства [5].

Особенно следует выделить следующие зоны отцовского влияния: полоролевая идентификация (З. Фрейд, Н. Левальд, Ш. Барт и др.); интеллектуальное развитие (Б. Фтенакис, Р. Берне, Б.И. Кочубей); усвоение моральных норм (О.Б. Чиркова); эмоционально-личностная сфера (Е.О. Смирнова, В.С. Собакин и др.); некоторые характерологические особенности ребенка (Е.П. Ильин, А. Биллер, З. Матейчек и др.) и т.д. [7].

Т.П. Авдулова, Д.П. Уханова в своем исследовании изучали взаимосвязи между представлениями родителей о справедливости и особенностями морального развития старших подростков. В диаде «отец-ребенок» выявлены положительные значимые корреляции между уровнем совестливости подростков и отцов. Также обнаружены различия во влиянии воспитательной позиции матерей и отцов на чувствительность к справедливости у подростков [1].

Х. Ханин, Н. Мохд Ануар, Р. Мохамад, А. Мохамад, исследуя студентов Малайзийских государственных универ-

ситетов, ставили своей задачей определение роли отца в морально-нравственном воспитании ребенка. В результате исследования ими было выявлено, что отцы, в целом, выполняют обязанность по моральному воспитанию своих детей, обеспечивая психологическое благополучие семьи и перспективное будущее для молодых людей [14].

Исследование С. Кох и др. влияния послеродовой депрессии отца на взаимодействие с ребенком показало, что по сравнению с контрольной группой отцы с послеродовой депрессией имели худший паттерн взаимодействия со своими детьми по показателям отзывчивости, настроения и чувствительности [16].

С. Нельсон-Коффи и др. исследовали гендерные различия уровня психологического благополучия родителей во время взаимодействия с детьми, в результате чего было выявлено, что для отцов родительство ассоциируется с более высокими показателями благополучия, чем для матерей [17].

В работе Х. Добволл и др. была изучена связь между удовлетворенностью жизнью родителей и их детей. В обоих поколениях удовлетворенность родительской, супружеской и профессиональной ролями оценивалась примерно в одном и том же возрасте 38–43 лет. В рамках темы отцовства особый интерес представляет вывод о сильном влиянии отцовской удовлетворенности работой на общую удовлетворенность жизнью их взрослых детей. При этом пол ребенка существенно не влиял на силу межпоколенных связей [13].

Ряд авторов уделяет особое внимание изучению процесса становления личности субъекта, выполняющего роль «отца».

По мнению Д.С. Акивис, типично мужские черты личности, такие как энер-

гичность, стремление защищать, готовность нести ответственность, получают дальнейшее развитие лишь в процессе взаимодействия с ребенком. Л.В. Богатырева и Л.А. Коростылева также указывают, что феномен отцовской любви стимулирует нормализацию самооценки и самоактуализацию мужчины [9].

Однако готовность мужчины к подобным личностным трансформациям будет определяться, прежде всего, готовностью к отцовству в целом и сформированностью представления о роли отца в семье в частности.

А.В. Левченко [9] выявила, что представления о собственном отцовстве у мужчин детерминированы рядом факторов, среди которых она выделяет объективные (наличие или отсутствие отца в родительской семье мужчины; наличие или отсутствие собственного ребенка) и субъективные (образ своего отца, образ идеального отца, иерархия семейных ценностей). Е.А. Чикалова [12] в своем исследовании рассмотрела социальные представления об отцовстве, репрезентированные в двух основных тенденциях. Первая тенденция выражается в направленности на эффективное взаимодействие отца с ребенком, на баланс отношений в супружеской и детско-родительской диадах, на готовность отца и матери к продуктивному распределению семейных и родительских ролей. Вторая тенденция отражает традиционно-патриархальную модель семьи, в которой отец принимает незначительное участие в уходе и заботе о ребенке, поддерживая доминантно-зависимую структуру отношений в семье, с четкими позициями мужа и жены. Кроме того, автор указывает, что современные СМИ трансформируют представления об отцовстве в сторону расширения круга обязанностей мужчины в детско-ро-

дительской диаде, что не вписывается в традиционную модель семьи.

В.К. Рахманова [11], изучая в своей работе первый опыт отцовства и отношение к своему отцу у мужчин 20–30 лет, выявила, что появление ребенка меняет отношение мужчины к ряду жизненных ценностей: первостепенными становятся отношение к семье, осознание себя в отцовской роли и роли мужа, одновременно с этим формируется рефлексия отцовской позиции. Факт отцовства меняет отношение мужчин к своим отцам: молодые отцы начинают определять уровень влияния и заботы, транслированный им, уделяя внимание недостаткам отцовского воспитания; ситуация позитивных отношений с отцом ведет к переходу от идеалистического представления о собственном отцовстве к воспроизведению ролевой модели своего отца; повышается эмоциональная сензитивность к чувствам и переживаниям своих отцов.

Таким образом, в условиях трансформации представлений о роли отца в семье возникает проблема осознанного родительства, в частности, понимания отцом специфики своей родительской роли, роли своего ребенка, трансляция адаптивных способов коммуникации в семейной среде.

В нашем исследовании мы предприняли попытку определить культуральные особенности образа ролевой структуры детско-родительских отношений у русских и итальянских мужчин, в частности, образа «детской роли» по отношению к отцу и образа роли «будущего ребенка». При этом «образ роли» понимается нами как целостное интегральное отражение в сознании распределения функциональных прав и обязанностей, характерных для субъекта ролевого взаимодействия [3].

В качестве гипотез нашего исследования были выдвинуты следующие предположения:

- существуют культуральные различия в образах своей «детской роли» по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин;
- существует культуральная специфика обобщенного образа «русского» и «итальянского» отца;
- существуют культуральные различия в образах своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин;
- существует культуральная специфика взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин.

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли опросник по выявлению их «детских ролей» и представлений о ролях своего «будущего ребенка».

Выборка исследования. В исследовании принимали участие 282 мужчины в возрасте 21–22 лет (145 русских и 137 итальянцев), воспитывавшихся в полных семьях, имеющих незаконченное высшее образование, не состоящих в официально зарегистрированном браке и не имеющих детей.

Методы исследования. В качестве диагностического инструментария использовались два варианта авторской методики Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка» [3; 4].

Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка» («Мои детские роли») позволяет выявить представления респондентов о функциональных ролях, которые они «выполняли» по отношению к своим родителям в детстве, в данном исследовании — по отношению к своему отцу. Вариант методики «Роли моего будущего ребенка» направлен на

изучение родительско-детских ожиданий, то есть ожиданий респондентов как будущих отцов по отношению к своему будущему ребенку. Методика дает возможность увидеть ранг каждой роли (см. Приложение).

Для группы итальянцев методика была предложена на английском языке.

Результаты

Результаты, полученные на российской и итальянской выборках, анализировались отдельно. Статистическая обработка полученных данных проводилась на основе программы SPSS 23.0 for Windows. В качестве критериев использовались Т-критерий Стьюдента для независимых выборок, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, ϕ -критерий Фишера.

На первом этапе исследования мы сравнили образы роли по отношению к отцу в детстве у русских и итальянских мужчин. Данные представлены на рис. 1 и 2.

На рис. 1 мы отразили роли, которые воспроизводили чаще всего и русские, и итальянские мужчины по отношению к отцу в детстве (достоверных отличий нет).

Различия в ролевых позициях русских и итальянцев, выполняемых ими в детстве по отношению к отцу, представлены на рис. 2.

При определении различий между образами роли «будущего ребенка» по отношению к себе как к «будущему отцу» у русских и итальянских мужчин мы получили данные, отраженные на рис. 3 и 4.

Для подтверждения гипотезы о культуральной специфике взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин

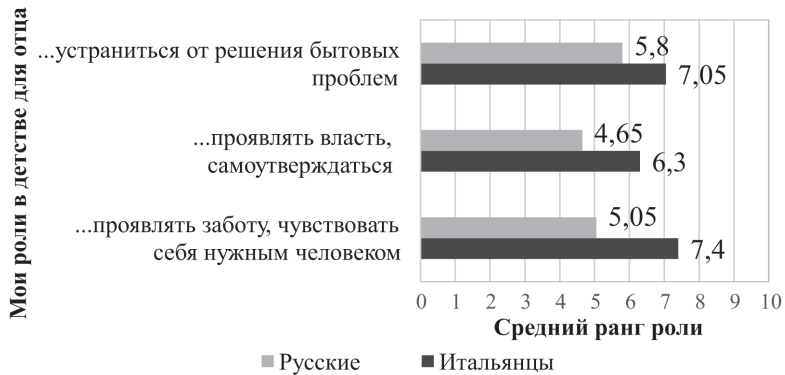

Рис. 1. Роли, чаще всего выполняемые по отношению к отцу в детстве русскими и итальянскими мужчинами (в числовом выражении нет достоверных отличий)

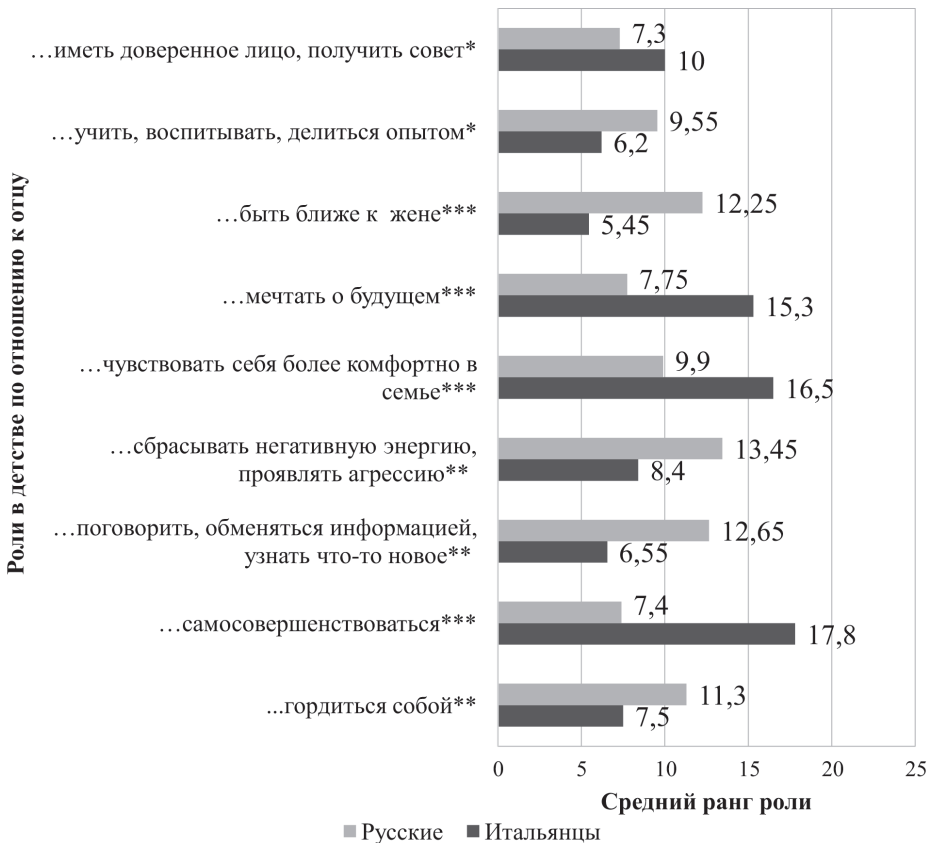

Рис. 2. Сравнение ролей по отношению к отцу в детстве у русских и итальянских мужчин: значимость различий на уровне * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

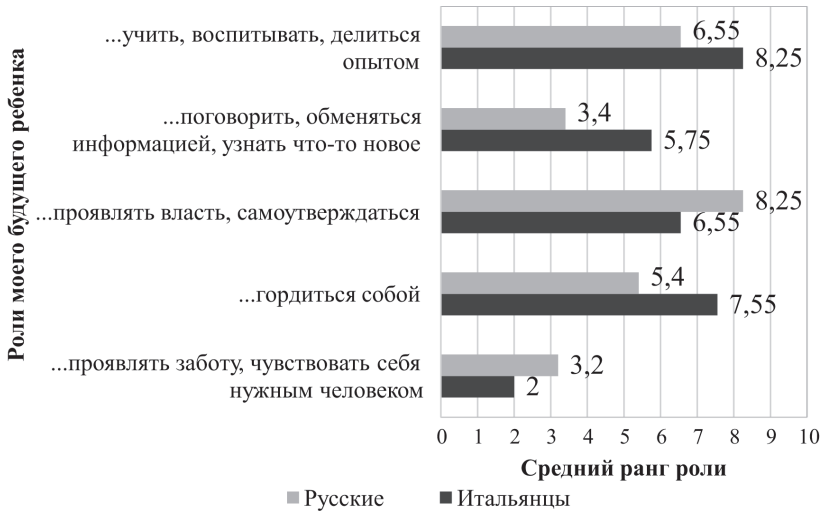

Рис. 3. Наиболее желательные роли «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин (в числовом выражении нет достоверных отличий)

Рис. 4. Сравнение ролей своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин: значимость различий на уровне * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

были использованы данные корреляционного анализа.

В выборке русских мужчин были выявлены следующие достоверные

корреляционные связи между образом своей роли в детстве по отношению к отцу и образом роли своего «будущего ребенка»:

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность гордиться собой, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность проявлять власть, самоутверждаться ($r=0,73$; $p\leq 0,001$), но не представлял его в роли «собеседника» ($r=-0,71$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность заряжаться энергией, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность также заряжаться энергией ($r=0,59$; $p\leq 0,01$) и общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме ($r=0,57$; $p\leq 0,01$), но не видит ребенка как человека, приобщающего его к культуре и искусству ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию, то он не хотел бы «использовать» «будущего ребенка» для собственного комфорта в семье ($r=-0,6$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность чувствовать себя более комфортно в семье, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,75$; $p\leq 0,001$), и не хотел бы его «использовать» для проявления власти и самоутверждения ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал своему отцу возможность быть в роли «учителя-воспитателя», то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность получать поддержку, помощь ($r=0,62$; $p\leq 0,01$) и быть ближе к жене ($r=0,56$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность иметь «доверенное лицо», получить совет, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» был «средством» устранения от бытовых проблем ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$).

В выборке итальянских мужчин оказалось характерно наличие следующих взаимосвязей между образом своей роли в детстве по отношению к отцу и образом роли своего «будущего ребенка»:

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность само совершенствоваться, то он не хотел бы самоутверждаться за счет своего «будущего ребенка» ($r=-0,65$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность поговорить с ним, обменяться информацией, узнать что-то новое, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,56$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность заряжаться энергией, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» был объектом проявления власти ($r=-0,66$; $p\leq 0,001$), обучения и воспитания ($r=-0,75$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь ($r=0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность получать любовь и эмоциональную близость, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,62$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность проявлять активность в жизни и на работе, то он не хотел бы, чтобы «будущий ребенок» был объектом проявления его заботы ($r=-0,62$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию, то он не хотел бы использовать

«будущего ребенка» в качестве «генератора» энергии ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность чувствовать себя более комфортно в семье, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь ($r=-0,85$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность мечтать о будущем, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность получать поддержку ($r=0,7$; $p\leq 0,001$), и не хотел бы его «использовать» для снижения тревоги о будущем ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность быть ближе к жене, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность проявлять заботу и чувствовать себя нужным человеком ($r=0,6$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность устранить от решения бытовых проблем, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь, то есть проявлять сильные положительные чувства по отношению к нему;

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность получить поддержку, помощь, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» предоставлял ему возможность помечтать о будущем ($r=0,56$; $p\leq 0,01$), но при этом не видит его в роли «источника достоверной информации» ($r=-0,62$; $p\leq 0,01$).

Обсуждение результатов

На первом этапе исследования решалась задача сравнения образов своей «детской роли» по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин. Анали-

зируя данные диаграммы (рис. 1), можно сказать, что и русские, и итальянские мужчины считают, что в детстве они чаще всего давали отцу возможность:

- проявлять власть, самоутверждаться;
- проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- устранить от решения бытовых проблем.

Таким образом, представители обеих культур, по их мнению, в детстве достаточно часто «играли» роли, помогающие отцу ощущать свою необходимость в качестве члена семьи; заботиться о близких; контролировать семейную ситуацию, повышая тем самым свою самооценку; переложить на кого-то или отложить на время решение регулярных семейных проблем.

Анализируя данные диаграммы, представленной на рис. 2, можно сказать, что, по мнению русских мужчин, они чаще, чем итальянцы, в детстве давали возможность своему отцу:

- самосовершенствоваться ($p\leq 0,001$);
- чувствовать себя более комфортно в семье ($p\leq 0,001$);
- мечтать о будущем ($p\leq 0,001$);
- иметь доверенное лицо ($p\leq 0,05$).

Описывая обобщенный образ «русского отца», можно сказать, что для него характерна позиция в семье, позволяющая ощущать удобство в быту, легкость коммуникации внутри семьи, позитивный настрой окружающих близких. Русский мужчина в семье при помощи сына получает возможность личностного роста, саморазвития, построения воображаемых перспектив своей жизни. В то же время сын, как правило, берет на себя функции парламентаря и хранителя отцовских тайн.

В то же время для итальянских мужчин характерно иное мнение об образе

своей роли для отца в детстве. Они чаще, чем русские, давали возможность отцу:

- быть ближе к жене ($p \leq 0,001$);
- гордиться собой ($p \leq 0,01$);
- поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое ($p \leq 0,01$);
- сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию ($p \leq 0,01$);
- учить, воспитывать, делиться опытом ($p \leq 0,05$).

Описывая обобщенный образ «итальянского отца», можно сказать, что отец при помощи сына удовлетворяет различные формы коммуникативной потребности: потребность в трансляции своего жизненного опыта, наставничестве; желание участвовать в формировании личности своего ребенка; желание иметь высокую самооценку в результате пересмотра своих успешных жизненных стратегий. Итальянский мужчина в семье использует ребенка как средство уменьшения психологической дистанции с супругой. Одновременно с этим в итальянской семье сын выступает в качестве объекта для разрядки отрицательных эмоций отца.

Второй задачей исследования было выявление различий между образами роли «будущего ребенка» по отношению к себе как к «будущему отцу» обеих выборок молодых мужчин.

Анализируя данные, представленные на рис. 3, можно сказать, что и русские, и итальянские мужчины ждут от своего «будущего ребенка» предоставления им следующих возможностей:

- проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- гордиться собой;
- проявлять власть, самоутверждаться;
- поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое;
- учить, воспитывать, делиться опытом.

Прослеживается общность взглядов обеих групп мужчин на себя в роли «бу-

дущего отца», выражающаяся в желании решить следующие основные задачи: самоутвердиться в роли отца и испытывать гордость за себя, а также иметь возможность опекать, наставлять, передавать свой жизненный опыт, направлять процесс развития своего ребенка.

Анализируя данные диаграммы, представленной на рис. 4, можно сказать, что достоверные отличия между образами своего «будущего ребенка» у русских и итальянцев существуют в категории «непредпочитаемых» детских ролей. Русские мужчины, по сравнению с итальянскими, менее хотят видеть своего будущего ребенка в следующих ролях, играя которые, ребенок будет давать им возможность:

- общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме ($p \leq 0,001$);
- иметь доверенное лицо ($p \leq 0,01$);
- получать любовь, эмоциональную близость ($p \leq 0,01$);
- чувствовать себя более комфортно в семье ($p \leq 0,05$).

Итальянцы, по сравнению с русскими, менее хотят видеть своего будущего ребенка в следующих ролях, при выполнении которых ребенок будет давать им возможность:

- самосовершенствоваться ($p \leq 0,001$);
- проявлять активность в жизни и на работе ($p \leq 0,05$).

При рассмотрении культуральной специфики взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин было выявлено:

- у русских мужчин 6 образов их ролей в детстве по отношению к отцу связаны 11 корреляциями с 9 образами роли их «будущего ребенка»;
- у итальянских мужчин 12 образов «детских» ролей по отношению к отцу

связаны 15 корреляциями с 14 образами роли их «будущего ребенка».

Между указанными параметрами изучаемых выборок существуют достоверные отличия на уровне $p \leq 0,05$ (по j -критерию Фишера). По нашему мнению, это может свидетельствовать о меньшей тесноте взаимосвязей между образом своей «детской» роли и образом роли своего «будущего ребенка» у выборки русских мужчин, по сравнению с итальянской выборкой.

Поскольку «детские» роли, представленные в методике, направлены на удовлетворение личностных потребностей родителя, то для дальнейшего анализа мы разделили всю совокупность ролей на 3 категории. В качестве критерия выделения категорий была применена классификация потребностей Д. МакКлелланда. Так, по мнению МакКлелланда, все люди обладают тремя видами потребностей: во власти, в достижении и в аффилиации. Но, как правило, одна из потребностей у человека выражена сильнее остальных, что оказывает влияние на его поведение. Потребность во власти удовлетворяется посредством влияния на других людей и контроля их поведения. Потребность в достижении реализуется через решение определенных задач с высокой эффективностью. Удовлетворяя потребность в аффилиации, человек стремится формировать и развивать сеть тесных дружеских отношений с окружающими людьми [10].

В результате деления «детских» ролей на категории мы получили следующую схему.

Потребность во власти

- ... проявлять власть, самоутверждаться;
- ... зарядиться энергией;
- ... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию;

... учить, воспитывать, делиться опытом.

Потребность в достижении

- ... гордиться собой;
- ... самосовершенствоваться;
- ... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое;
- ... меньше тревожиться о будущем;
- ... проявлять активность в жизни и на работе;
- ... чувствовать себя более комфортно в семье;
- ... мечтать о будущем;
- ... приобщаться к культуре, искусству;
- ... устраниться от решения бытовых проблем.

Потребность в аффилиации

- ... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- ... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме;
- ... дарить любовь;
- ... получать любовь, эмоциональную близость;
- ... быть ближе к жене;
- ... иметь доверенное лицо;
- ... получить поддержку, помощь.

Далее мы проанализировали количество «детских» ролей, имеющих достоверные корреляционные связи, описанные выше, с образами роли своего «будущего ребенка», у русских и итальянских мужчин в каждой из категорий. Так, «детские» роли русских респондентов, оказавшие влияние на их образы «будущего ребенка», распределились следующим образом: в категории «Потребность во власти» оказались три роли, в категории «Потребность в достижении» — две роли, в категории «Потребность в аффилиации» — одна роль. У итальянских мужчин получилось несколько иное распределение: в категории «Потребность во власти» — две

роли, в категории «Потребность в достижении» — шесть ролей, в категории «Потребность в аффилиации» — четыре роли. Сравнивая полученное распределение, мы выявили, что детские роли, влияющие на образ «будущего ребенка» русских респондентов, прежде всего относятся к тем ролям, которые удовлетворяли потребность во власти их отцов. В то же время, по мнению итальянских респондентов, их отцы, прежде всего, удовлетворяли свою потребность в достижении.

В нашем исследовании образы своих ролей, в которых респонденты удовлетворяли ту или иную потребность своих отцов в детстве, формируют у них разное количество образов ролей своего «будущего ребенка». Мы полагаем, что рост количества корреляционных связей образов «детской» роли респондента с образами ролей его «будущего ребенка» говорит об увеличении количества потенциальных межличностных взаимодействий в диаде «отец-ребенок». По нашему мнению, в ситуации потенциального взаимодействия отца с ребенком это увеличит устойчивость таких взаимоотношений, даже безотносительно к качественной специфике удовлетворяемых отцовских потребностей респондентов.

Так, образы «детских» ролей русских мужчин, отнесенных к категории «Потребность во власти», оказались стимулирующими образы наиболее устойчивых систем взаимодействия в диаде «отец-ребенок» (3 «детские» роли связаны с 6 ролями «будущего ребенка», $p \leq 0,01$). В двух других категориях — «Потребность в достижении» и «Потребность в аффилиации» — между количеством образов «детских» ролей и количеством связанных с ними образов ролей своего «будущего ребенка» достоверных отличий нет.

Итальянская выборка характеризуется отсутствием достоверных отличий

между количеством образов «детских» ролей респондентов и количеством связанных с ними образов ролей их «будущего ребенка» во всех категориях.

Таким образом, цель, поставленная в начале исследования — изучение культуральных особенностей образа ролевой структуры детско-родительских отношений у русских и итальянских мужчин, была достигнута, все четыре гипотезы нашли свое подтверждение.

Выводы

1. Некоторые представления русских и итальянских молодых мужчин о своих ролевых позициях по отношению к отцу в детстве не имеют культуральных отличий. Среди них такие, как: заботиться о близких; перекладывать на кого-то или откладывать на время решение регулярных семейных проблем; помогать отцу ощущать свою необходимость как члена семьи; контролировать семейную ситуацию, повышая тем самым свою самооценку.

2. Специфика интегрального образа роли «отца» в семье (по отношению к сыну), по мнению русских и итальянских мужчин, состоит в том, что «русскому отцу» свойственны: легкость коммуникации внутри семьи; позиция в семье, позволяющая ощущать удобство в быту; позитивный настрой окружающих близких; получение возможности личностного роста, саморазвития, построения воображаемых перспектив своей жизни. Одновременно с этим ребенок, как правило, осуществляет функции «парламентера» и «доверенного лица». Интегральный образ «итальянского отца» характеризуется ориентацией на следующие виды взаимодействия с ребенком в семье: передача своего жизненного опыта, обучение; участие в формировании личности своего ребенка;

самосовершенствование; использование ребенка как средства сближения с супругой; использование ребенка как объекта для разрядки отрицательных эмоций.

3. Русские и итальянские молодые мужчины при описании образа роли «будущего ребенка» выразили общность взглядов, предпочитая такие роли ребенка, при которых удовлетворялись бы: потребность в самоутверждении в отцовской роли, гордости за себя; потребность в возможности опекать, учить, транслировать свой жизненный опыт; потребность в управлении процессом формирования личности своего ребенка. В то же время для выборки русских мужчин, по сравнению с выборкой итальянских мужчин, более значимыми оказались такие роли «будущего ребенка», при которых они получают возможность «проявлять активность в жизни и на работе» и «самосовершенствоваться». Итальянцы, по сравнению с русскими, хотели бы видеть такие роли своего «будущего ребенка», при которых они получают возможность: «иметь доверенное лицо, получить совет», «чувствовать себя более комфортно в семье», «получать любовь, эмоциональную близость», «общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме».

4. Образ своей роли в детстве по отношению к отцу («детская роль») и образ роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин взаимосвязаны, что, по нашему мнению, позволяет использовать один из образов в процессе реструктуризации другого. Теснота взаимосвязи данных образов у русской выборки достоверно меньше ($p \leq 0,05$), чем у итальянской, что, вероятно, повышает эффективность этого процесса у итальянских молодых людей, чем у их русских сверстников. В контексте проблемы осознанного отцовства возможно целенаправленное «конструирование» образа роли

«будущего ребенка» через проработку «детских ролей» взрослого мужчины.

5. «Детские» роли, представленные в методике, были соотнесены с тремя видами потребностей по классификации Д. МакКлелланда: потребность во власти, потребность в достижении, потребность в аффилиации. Русские мужчины, по их мнению, в детстве выполняли, прежде всего, такие роли, которые позволяли их отцам удовлетворять потребность во власти. В подобной ситуации итальянские отцы, по мнению респондентов, удовлетворяли, прежде всего, свою потребность в достижении. Необходимо указать, что рассматривались только те роли, которые оказали влияние на образ роли «будущего ребенка» в обеих выборках.

6. Рост количества корреляционных связей образов «детской» роли респондента с образами ролей его «будущего ребенка» говорит об увеличении количества потенциальных межличностных взаимодействий в диаде «отец-ребенок», что, по нашему мнению, делает ее более устойчивой. Образы «детских» ролей русских мужчин, отнесенных к категории «Потребность во власти», оказались стимулирующими образы наиболее устойчивых систем взаимодействия в диаде «отец-ребенок».

В качестве перспективного направления кросс-культурных исследований в области социальной психологии можно предложить применение данной схемы работы к сфере отношений в диадах «отец-дочь», «мать-сын», «мать-дочь» для изучения наличия культуральных особенностей в обобщенном образе «отца/матери», а также проследить взаимосвязь между образом своей роли в детстве по отношению к матери/отцу и образом роли своего «будущего ребенка» у молодых мужчин/женщин — представителей разных культур.

**Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка
(вариант «Мои роли в детстве»)**

Инструкция: В бланке приведен список социальных ролей, которые может играть ребенок в отношении отца или матери. Внимательно изучите список и проанализируйте, какую роль в детстве по отношению к своему отцу Вы «исполняли» чаще всего, присвойте ей первый ранг. Для этого поставьте в ячейку справа цифру 1. Затем из оставшегося списка выберите, в свою очередь, наиболее часто «исполняемую» роль и обозначьте ее цифрой 2. Затем проделайте то же со всеми оставшимися в списке ролями. Роли, «исполняемой» Вами в детстве реже всего, должен быть присвоен 20-й ранг.

Работайте не спеша, вдумчиво. Если в процессе работы Вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, зачеркнув одну цифру и написав другую. Конечный результат должен отражать Вашу истинную позицию.

№	Я в детстве давал(а) возможность матери/отцу...	РАНГ
1	... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	
2	... гордиться собой	
3	... проявлять власть, самоутверждаться	
4	... самосовершенствоваться	
5	... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое	
6	... зарядиться энергией	
7	... меньше тревожиться о будущем	
8	... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме	
9	... дарить любовь	
10	... получать любовь, эмоциональную близость	
11	... проявлять активность в жизни и на работе	
12	... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию	
13	... чувствовать себя более комфортно в семье	
14	... мечтать о будущем	
15	... быть ближе к жене	
16	... учить, воспитывать, делиться опытом	
17	... иметь доверенное лицо	
18	... приобщаться к культуре, искусству	
19	... устраниваться от решения бытовых проблем	
20	... получить поддержку, помощь	

Обработка: Анализ данных методики заключается как в определении ранга каждой роли, так и в выделении блоков «часто выполняемых» (1–6 ранги) и «редко выполняемых» (15–20 ранги) детских ролей.

**Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка»
(вариант «Роли моего будущего ребенка»)**

Инструкция: В бланке приведен список социальных ролей, которые может играть ребенок в отношении отца. Внимательно изучите список и проанализируйте, какая роль Вашего будущего ребенка по отношению к Вам является наиболее предпочитаемой Вами, присвойте ей первый ранг. Для этого поставьте в ячейку справа цифру 1. Затем из оставшегося списка выберите, в свою очередь, наиболее предпочитаемую роль и обозначьте ее цифрой 2. Затем проделайте то же со всеми оставшимися в списке ролями. Самой «нежелательной» для Вас роли должен быть присвоен 20-й ранг. Работайте не спеша, вдумчиво. Если в процессе работы Вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, зачеркнув одну цифру и написав другую. Конечный результат должен отражать Вашу истинную позицию.

№	<i>Ваш ребенок будет давать Вам возможность...</i>	РАНГ
1	... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	
2	... гордиться собой	
3	... проявлять власть, самоутверждаться	
4	... самосовершенствоваться	
5	... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое	
6	... зарядиться энергией	
7	... меньше тревожиться о будущем	
8	... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме	
9	... дарить любовь	
10	... получать любовь, эмоциональную близость	
11	... проявлять активность в жизни и на работе	
12	... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию	
13	... чувствовать себя более комфортно в семье	
14	... мечтать о будущем	
15	... быть ближе к жене	
16	... учить, воспитывать, делиться опытом	
17	... иметь доверенное лицо	
18	... приобщаться к культуре, искусству	
19	... устраниваться от решения бытовых проблем	
20	... получить поддержку, помощь	

Обработка: Анализ данных методики заключается как в определении ранга каждой роли, так и в выделении блоков «предпочитаемых» (1–6 ранги) и «нежелательных» (15–20 ранги) ролей будущего ребенка.

Литература

1. Авдулова Т.П., Уханова Д.П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 81–92. DOI:10.17759/sps.2018090206
2. Бутаев М.В. Проблема отцовства в социальной философии: дисс. ... канд. философ. наук. Саратов, 2013. 144 с.
3. Васильева Е.Н. Ролевая структура детско-родительских отношений: Монография. Нижний Новгород: Изд-во НИУ РАНХиГС, 2015. 196 с.
4. Васильева Е.Н., Щербаков А.В. Психологическая готовность к родительству: Монография. Нижний Новгород: Изд-во НИУ РАНХиГС, 2015. 208 с.
5. Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129–145. DOI:10.17759/cpp.2018260109
6. Гулина М.А., Васильева Н.Л. «Отцы и дети»: психоаналитический взгляд на роль отца в развитии личности ребенка // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 151–168. DOI:10.17759/cpp.2018260410
7. Демчук Н.А. Формирование психологической готовности юношей к отцовству: дисс. ... канд. психол. наук. Курган, 2006. 223 с.
8. Капнина Г.И. Трансформации в восприятии функций семьи в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2016. № 2. С. 34–39. URL: http://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (дата обращения: 20.01.2020).
9. Левченко А.В. Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009. 194 с.
10. Макклелланд Д. Мотивация человека. Москва: Питер, 2007. 669 с.
11. Рахманова В.К. Первый опыт отцовства и отношение к своему отцу // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. № 4. С. 48–56. DOI:10.17759/pse
12. Чикалова Е.А. Социальные представления об отцовстве и нормы маскулинности у молодых мужчин: дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2014. 208 с.
13. Dobewall H., Hintsanen M., Savelieva K., Gluschkoff K., Keltikangas-Järvinen L. Intergenerational Transmission of Latent Satisfaction Reflected by Satisfaction Across Multiple Life Domains: A Prospective 32-year Follow-Up Study // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 20. P. 955–970.
14. Hanin H.S., Mohd Anuar N.M., Mohamad R.R., Mohamad A.D. Psychology and morals education by fathers in the family International // Journal of Scientific and Technology Research. 2019. Vol. 8. P. 3238–3243.
15. Keller J.A. Herders paedagogisches Woerterbuch. Erfstadt: Verlag HOHE GmbH, 2007. 392 p.
16. Koch S., De Pascalis L., Vivian F., Murray L., Arteche A. Effects of male postpartum depression on father–infant interaction: The mediating role of face processing // Infant Mental Health Journal. 2019. Vol. 40(2). P. 263–276.
17. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45(9). P. 1378–1390.
18. Schulz W. Veränderungen in den Formen des Zusammenlebens und Wandel der Einstellungen zu Ehe und Familie // Österreich zur Jahrhundertwende: gesellschaftliche Werthaltungen und Lebensqualität 1986–2004. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. P. 343–366.
19. Travedi S., Bose K. Fatherhood and roles of father in children’s upbringing in Botswana: fathers’ perspectives // Journal of Family Studies. 2020. Vol. 26. P. 550–563.

References

1. Avdulova T.P. Ukhanova D.P. Predstavleniya o spravedlivosti i stili vospitaniya roditelei kak faktor moral'nogo razvitiya podrostkov [Ideas about justice and parenting styles as a factor of moral

- development of adolescents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 81–92. DOI:10.17759/sps.2018090206 (In Russ.).
2. Butaev M.V. Problema ottsovstva v sotsial'noi filosofii. Diss. kand. filosof. nauk [Problem of fatherhood in social philosophy. PhD. Sci. (Philosophy) diss.]. Saratov, 2013. 144 p. (In Russ.).
 3. Vasil'eva E.N. Rolevaya struktura detsko-roditel'skikh otnoshenii: Monografiya [Role structure of child-parent relations: Monograph]. Nizhny Novgorod: Publishing house of NIU RANKhiGS, 2015. 196 p. (In Russ.).
 4. Vasil'eva E.N., Shcherbakov A.V. Psikhologicheskaya gotovnost' k roditel'stvu: Monografiya [Psychological readiness for parenthood: a Monograph]. Nizhny Novgorod: Publishing house of NIU RANKhiGS, 2015. 208 p. (In Russ.).
 5. Gulina M.A. Ipostasi i transformatsii obraza ottsa v psikhooanalize [Hypostasis and transformation of the image of the father in psychoanalysis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 129–145. DOI:10.17759/cpp.2018260109 (In Russ.).
 6. Gulina M.A., Vasil'eva N.L. «Ottsy i deti»: psikhooanaliticheskii vzglyad na rol' ottsa v razvitii lichnosti rebenka [“Fathers and children”: a psychoanalytic view of the role of the father in the development of the child's personality]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 151–168. DOI:10.17759/cpp.2018260410 (In Russ.).
 7. Demchuk N.A. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti yunoshei k ottsovstvu. Diss. kand. psikhol. nauk [Formation of psychological readiness of young men for fatherhood. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. Kurgan, 2006. 223 p. (In Russ.).
 8. Kapnina G.I. Transformatsii v vospriyatii funktsii sem'i v postindustrial'nom obshchestve [Elektronnyi resurs] [Transformations in the perception of family functions in post-industrial society]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and education*, 2016, no. 2, pp. 34–39. URL: http://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (Accessed 20.01.2020). (In Russ.).
 9. Levchenko A.V. Predstavleniya o sobstvennom ottsovstve u muzhchin i faktory, ikh obuslovlivayushchie. Diss. kand. psikhol. nauk [Ideas about own paternity in men and factors that determine them. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. Krasnodar, 2009. 194 p. (In Russ.).
 10. Makklelland D. Motivatsiya cheloveka [Human motivation]. Moscow: Peter, 2007. 669 p. (In Russ.).
 11. Rakhmanova V.K. Pervyi opyt ottsovstva i otnoshenie k svoemu ottsu [First experience of fatherhood and attitude to his father]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2008. Vol. 13, no. 4, pp. 48–56. DOI:10.17759/pse (In Russ.).
 12. Chikalova E.A. Sotsial'nye predstavleniya ob ottsovstve i normy maskulinnosti u molodykh muzhchin. Diss. kand. psikhol. nauk [Social representations of fatherhood and norms of masculinity in young men. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2014. 208 p. (In Russ.).
 13. Dobewall H., Hintsanen M., Savelieva K., Gluschkoff K., Keltikangas-Järvinen L. Intergenerational Transmission of Latent Satisfaction Reflected by Satisfaction Across Multiple Life Domains: A Prospective 32-year Follow-Up Study. *Journal of Happiness Studies*, 2019. Vol. 20, pp. 955–970.
 14. Hanin H.S., Mohd Anuar N.M., Mohamad R.R., Mohamad A.D. Psychology and morals education by fathers in the family. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2019. Vol. 8, pp. 3238–3243.
 15. Keller J.A. Herders paedagogisches Woerterbuch [Herder's paedagogic dictionary]. Erfstadt: Verlag HOHE GmbH, 2007. 392 p.
 16. Koch S., De Pascalis L., Vivian F., Murray L., Arteché A. Effects of male postpartum depression on father–infant interaction: The mediating role of face processing. *Infant Mental Health Journal*, 2019. Vol. 40(2), pp. 263–276.

17. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45(9), pp. 1378–1390.
18. Schulz W. Veränderungen in den Formen des Zusammenlebens und Wandel der Einstellungen zu Ehe und Familie [Changes in the forms of cohabitation and changes in attitudes towards marriage and the family]. Österreich zur Jahrhundertwende: gesellschaftliche Werthaltungen und Lebensqualität 1986–2004. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005, pp. 343–366.
19. Travedi S., Bose K. Fatherhood and roles of father in children's upbringing in Botswana: fathers' perspectives. *Journal of Family Studies*, 2020. Vol. 26, pp. 550–563.

Информация об авторах

Васильева Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Щербаков Андрей Вячеславович, кандидат психологических наук, доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства, Институт экономики и предпринимательства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Vasilyeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organizational Psychology, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Andrey V. Scherbakov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Получена 21.07.2020

Received 21.07.2020

Принята в печать 18.04.2022

Accepted 18.04.2022